

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
19 (82)

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1969

СУЛТАН И ХАЛИФ

(ИЗ ИСТОРИИ СЮЗЕРЕНИТЕТА И ВАССАЛИТЕТА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ XI—XII ВВ.)

В истории Ближнего Востока период XI—XII вв. является одним из наиболее интересных и пока недостаточно изученных. В это время произошли изменения в области политической и социальной, экономической и этнической, языковой, этнографической и военной. Перемены связаны как с развитием самого ближневосточного феодального общества, так и с теми огузскими племенами, которые под руководством султанов из династии великих Сельджукидов (в результате завоевательного движения из Средней Азии на запад) появились на Ближнем Востоке. К истории этих тюркоязычных племен и Ближнего Востока вполне применим вывод Н. В. Пигулевской о том, что „общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них“.¹ Вот почему привлекает внимание вопрос о сюзеренитете и вассалитете в XI—XII вв. на Ближнем Востоке, в частности характер взаимоотношений сельджукского султана (будь то представитель главной или боковой ветви династии Сельджукидов) и аббасидского халифа.

В тот период, который принято именовать сельджукским, действовал принцип „вассал моего вассала — не мой вассал“, т. е. сюзеренитет и вассалитет были одноступенчатыми. Возможно, что это являлось одним из последствий господства удельной системы управления, столь характерной для ближневосточного мусульманского мира XI—XII вв. Сирийские источники, в частности, прямо указывают, что эмиры и другие феодалы получали инвеституру только от султана.² Это было одной из форм контроля и принуждало вассала к повиновению. Халиф принимал участие в подобном акте в том случае, если утверждали на власть могущественного и крупного владетельного феодала. Так, султан в качестве светского главы мусульманского (суннитского) мира и халиф как конфессиональный сюзерен совместно вручили инвеституру атабеку султана эмиру Имад-аддину Зенги; в другом случае титул мелика был пожалован ими эмиру Гази Данишмендиду, грозе крестоносцев и удачливому сопернику Иконийского султаната.³ Те же отступления от правил имели место в случае, когда инвеституру получал иноверный феодал, чьи владения находились в пределах мусульманского государства.⁴

¹ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964, стр. 4.

² Chronique de Michel le Syrien, t. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910, pp. 611, 655; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890, pp. 287—288, 318.

³ Chronique de Michel, pp. 612, 614, 616.

⁴ Там же, стр. 620.

На владение территорией феодал получал особый указ султана, который возобновлялся в случае смерти жалователя или получателя.⁵ Получение инвеституры сопровождалось церемонией, важнейшей составной частью которой было принесение клятвы верности вассалом в мечети, в присутствии кадийа.⁶ Ибн Биби приводит текст такой клятвы, которую владетель области Синопа дал иконийскому султану Кей-Каусу I: „В случае, если даровавший мне жизнь султан оставит мне и моему потомству владения, за исключением (города) Синопа, обязуюсь ежегодно давать ему десять тысяч золотых динаров, пять тысяч коней, две тысячи голов крупного рогатого скота, две тысячи овец, пятьдесят тюков подарков. В случае необходимости буду выставлять, по требованию султана, войско“.⁷

Вассалы эмира присягали только ему; причем на этой ступени феодальной иерархии вассал и сюзерен приносили обоюдную клятву,⁸

Помимо юридических обязательств, существовал ряд неписанных обычаев, освященных временем. По церемониалу, принятому у великих Сельджукидов, турецкая знать шествовала впереди коня, на котором сидел султан.⁹ При дворе младшей ветви этой династии, правившей в Малой Азии, было принято целовать стремя коня и руку султана. Для встречи государя-сюзерена феодал высылал военный отряд на расстояние пятнадцатидневного пути.¹⁰

Подобные нормы установились на всей территории, где сельджукские султаны были признаны сюзеренами, будь то Иран или Сирия, Закавказье или Малая Азия, Ирак или Средняя Азия: вассал приносил клятву верности, был обязан взносами в султанскую казну, участвовал со своим войском в его военных кампаниях, бил монету с именем сюзерена, которого поминали также в хутбе.

Одним из важнейших аспектов сюзеренитета и вассалитета являются взаимоотношения султанов Сельджукидов и халифов Аббасидов, которые получили большой резонанс в ближневосточном мире, причем не только мусульманском, но и христианском, и наложили своеобразный отпечаток на эпоху. Вместе с тем линия „султан—халиф“ отличалась от обычных взаимоотношений вассала и сюзерена. Связи между ними являлись многоплановыми и выходили за рамки государства или сферы влияния как Сельджукидов, так и Аббасидов. Султаны признали суннитского халифа сюзереном, но в действительности были самостоятельны в своих акциях. Они использовали имя халифа и знамя ислама, стараясь подчеркнуть, что сельджукские завоевания являются воплощением идей джихада и освящены авторитетом самого наместника пророка. Султаны были внимательны к халифам в том, что не затрагивало их собственного суверенитета. С другой стороны, халиф не менее нуждался в поддержке; он использовал сельджукских завоевателей как для укрепления собственного престижа, так и для борьбы с фатимидскими халифами (шиитами), которые оспаривали у Багдада роль „первосвященников“, а вместе с этим и доходы с мусульманской паствы.

В ряде работ В. В. Бартольд и В. А. Гордлевский рассматривали взаимоотношения светского и религиозного глав мусульманского мира. Наиболее подробно это сделано в исследовании В. В. Бартольда „Халиф

⁵ Anadolu selçuki devleti tarihi. Ibn Bibinin farsça muhtasar 'Selçukname' sinden türkçeye çeviren M. N. Gencosman. Ankara, 1941, s. 42; Chronique de Michel, p. 620.

⁶ Anadolu selçuki, ss. 49, 53, 87.

⁷ Там же, стр. 63—64.

⁸ Chronique de Michel, p. 711.

⁹ Barhebraei, p. 237.

¹⁰ Anadolu selçuki, ss. 28—30, 49, 52, 55, 57, 64, 101; Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur. Yazan Muhammed er-Ravendi. Türkçeye çeviren A. Ateş. Ankara, 1957—1960, s. 166; Sadruddin Ebu'l-Hasan. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Türkçeye çeviren N. Lugal. Ankara, 1943, ss. 101, 102.

и султан“, где главным было выяснение теоретических основ идеи и отношения между членами формулы „халиф—султан“. Поэтому В. В. Бартольд почти не касался практических аспектов вопроса, не выясняет, как выглядели взаимоотношения, например, аббасидского халифа и сельджуцкого султана. Но весьма желательно взглянуть на измененный вариант, на формулу „султан—халиф“; в этом случае открываются новые стороны и детали. А в связи с сельджуками это тем более необходимо сделать, так как в XI—XII вв. светские прерогативы Аббасида были узурпированы султанами; вот почему для того периода важнее рассмотреть практические аспекты проблемы не только с точки зрения „халиф—султан“, сколько с позиций „султан—халиф“.

Термин „султан“ первоначально означал обобщенное понятие светской правительственной власти; затем он был перенесен и на правительство халифа. В X в. султаном именовали единоличного светского правителя в отличие от духовного владыки — имама.¹¹ Благодаря сельджукам идея султанской, т. е. светской, власти, отделенной от власти имама, т. е. религиозного главы мусульман, получила дальнейшее развитие и влияние в мире ислама. „Рядом с халифом, как «имамом», теперь был «султан», власти которого были подчинены все те области (кроме отдаленной Испании), где население признавало аббасидского халифа своим духовным главой. Вследствие этого титул «султан» теперь получил иное значение, чем раньше. Теперь уже не называли султанами, как в X веке, всяких мелких владетелей; султаном теперь мог называть себя только глава независимой династии“.¹² Таким образом, при сельджуках термин „султан“ получил наивысшее развитие как понятие светского руководителя мусульманского мира; самому пророку Мухаммеду был приписан хадис: „Султан есть тень бога на земле, и у него ищет убежища всякий обиженный“.¹³ Халиф остался религиозным главой мусульманского мира.

Разделение функций привело к тому, что крупнейшие владетельные феодалы должны были получать двойную инвеституру — от халифа как религиозного главы и от султана — светского руководителя. Причем решение султана было окончательным.¹⁴ Ввиду того что для сельджукской эпохи характерна формула „вассал моего вассала — не мой вассал“, то понятно, почему халиф принимал участие в обряде инвеституры в почти строго ограниченных случаях: лишь при утверждении на власть султанов и меликов, иногда — атабеков. По той же причине — одноступенчатость сюзеренитета и вассалитета — халиф не имел власти над вассалами султана, что много значило не только для феодальной структуры периода, но имело важное практическое значение, так как лишало Аббасидов военной и иной поддержки со стороны тех, кто считался вассалом султана, но не халифа; по словам В. В. Бартольда, сельджуки создали „идею «султана ислама» как верховного светского правителя всего мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой мусульман, освящающим власть султана своим религиозным авторитетом“.¹⁵ Вместе с тем сельджуки в своих интересах способствовали восстановлению в глазах мусульманского мира авторитета послушного им халифа как религиозного руководителя общины верующих.¹⁶

¹¹ В. В. Бартольд. 1) Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. Соч., т. VI, стр. 305, 309; 2) История Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, стр. 130.

¹² В. В. Бартольд. Халиф и султан. Соч., т. VI, стр. 30.

¹³ Там же, стр. 31.

¹⁴ Chronique de Michel, pp. 611, 612, 614, 616; Barhebraei, p. 293—294.

¹⁵ В. В. Бартольд. 1) История Туркестана, стр. 131; 2) История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, стр. 248.

¹⁶ А. Мюллер. История ислама с основания до новейших времен, т. II. СПб., 1895, стр. 343—345, 348.

После решающего сражения с Газневидами у Данданакана (недалеко от Мерва) в 1040 г., которое было выиграно сельджуками, предводитель их Тогрул-бек провозгласил себя султаном, считая, что он является не только наследником поверженных султанов Газны, но и светским главой мира ислама. Халиф Каим не признал самозванца, которому направил специальное послание, где именовал его эмиром. В обращении он писал, что эмиру Тогрул-беку достаточно тех земель, что завоеваны сельджуками к моменту получения послания; что ему не следует продвигаться на запад, в области, подчиненные арабам, дабы не причинить им урона. Сельджукский предводитель обязан прислушиваться к советам Багдада, ибо он является вассалом халифа; кроме того, как вассал он должен быть честен во взаимоотношениях с Аббасидами и обязан присылать им ежегодную дань с захваченных земель, как это установлено обычаем еще до сельджуков.¹⁷ Тогрул-бек оставил послание без ответа.

Когда же до Багдада дошли вести о новых успехах сельджуков, Каим признал в 1050 г. султанское достоинство Тогрул-бека.¹⁸ С этого времени династия Сельджукидов усвоила себе формулу „ал-султан ал-муаззам шаханшах ал-азам“ (великий султан, шаханшах высочайший); первая часть легенды появилась на монете новых султанов.¹⁹

Отречение халифа под давлением обстоятельств от своих светских прерогатив явилось большой политической победой сельджуков, ибо позволило их предводителям придать своим завоеваниям „законный“ характер: теперь они были освящены авторитетом самого Аббасида. Успех был закреплен в 1055 г., когда по призыву Каима в Багдад спешно прибыл Тогрул-бек, чтобы изгнать шиитских Буидов и тюркского эмира Абу-л-Хариса Басасири, фактических правителей халифского дворца и столицы.

Так произошла первая личная встреча Сельджукида и Аббасида, во время которой тюркоязычный кочевник впервые был коронован самим халифом и официально провозглашен великим султаном.

Церемония вручения инвеституры прошла торжественно. По прибытии в резиденцию Каима, который в черном облачении восседал в окружении евнухов на высоком троне, Тогрул-бек исполнил предписанный протоколом религиозный обряд, поцеловал землю перед халифом и остался на ногах. Глава райсов поднялся на специальное возвышение. К Тогрул-беку приставили переводчика, ибо он не знал арабского. Затем его усадили на низкий по сравнению с халифским трон, а затем повели на особое возвышение, где и состоялся обряд посвящения. Здесь султана облачили в семь черных одежд, на голову возложили черный венец и еще другой, с драгоценными камнями, на шею надели золотое ожерелье, на запястья — браслеты. Халиф преподнес ему султанскую печать (тугру), два пурпурных знамени с золотыми письменами. Последний акт имел важное значение: привязать знамя к древку (вручить знамя) терминологически означало начать войну.²⁰ Таким образом, халиф освящал и разрешал борьбу за „чистоту ислама“, причем как с неверными, так и с теми, кто отошел

¹⁷ Barhebraei, p. 227—228.

¹⁸ Ал-Фахри Мухаммед ибн Али ибн Табатаба ибн ал-Тиктака. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Пер. Н. Хомагорова. Уч. зап. Казанск. унив. по отд. ист.-филол. и пол.-экон. наук, Приложения, 1862—1863, стр. 334; Barhebraei, p. 230.

¹⁹ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Из арабской эпиграфики в Ани. Сб. „Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру“, М.—Л., 1935, стр. 679; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Ankara, 1961, 1 cilt, 2 baskı, s. 25; D. Sourdel. Inventaire des monnaies musulmanes anciennes du Musée de Caboul. Damas, 1953, pp. 84—86, 88—90; G. Miles. The Numismatic History of Rayy. New York, 1938, pp. 198, 204, 209.

²⁰ Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М., 1965, стр. 102.

от суннитского мусульманского вероучения. Теперь завоевательные войны сельджуков получили официальное одобрение Багдада.

Затем Тогрул-беку пожаловали еще семь комплектов одежды, что символизировало семь климатов; этим султану как бы вручали светскую власть над всем известным миром и поощряли на дальнейшие завоевания. В числе подношений имелась чалма из златотканой материи, что должно было означать, что султан признан наравне с халифом коронованным главой арабов и неарабов. Поэтому Тогрул-бека, получившего и венцы, и чалму, называли коронованным и носящим чалму („ал-мутаваджж-у-муаммем“). Он был опоясан также богато отделанной золотом саблей с золотой насечкой. Затем сел на отведенное ему место.

После всего султан дважды поцеловал руку халифа, приложив ее к глазам и проведя по лбу. Каим повязал ему вторую саблю. Две сабли терминологически означали, что султану Тогрул-беку вручается власть над Востоком и Западом.

В заключение обряда инвеституры огласили указ халифа, согласно которому султану поручалась защита правоверных. На этом церемония была завершена, и Тогрул-бек на коне из личной конюшни Каима отправился в свою багдадскую резиденцию.²¹ С этого же 1055 г. имя Сельджукидов было включено в хутбу, провозглашаемую по пятницам в Багдаде, где поминалось наряду с именем халифа.

Таким образом, с 1055 г. сельджукид был признан Багдадом „светским поверенным в делах мусульманской общины повсюду, где признавали аббасидского халифа. И в его завоевательной деятельности с того времени цель была определена: вновь подчинить аббасидскому влиянию те части мусульманского мира, которые были отторгнуты, подготовить уничтожение соперничавшего (фатимидского) халифа“.²² Подчинение отпавших частей аббасидскому влиянию послужило формальным предлогом для установления в Передней Азии сельджукского владычества. Идеей чистоты веры „оправдывалось завоевательное движение турок-мусульман против мусульманских стран“.²³

Сохранилось описание первой встречи халифа Муктади и великого Сельджукида Мелик-шаха, который прибыл в Багдад за инвеститурой. В 1086 г. он впервые отправился в столицу халифата и был встречен вне стен города везиром халифа, который оказал ему подобающий султану почет. В течение нескольких дней Мелик-шах оставался у Багдада, занимаясь игрой в човган (конное поло) и обмениваясь подарками с Муктади. Затем его пригласили во дворец, где и состоялась встреча с халифом во время торжественного приема. Мелик-шаху разрешили сесть в присутствии халифа, в то время как остальные участники церемонии оставались на ногах. Султан принес вассальную присягу, а его везир Низам ал-Мульк представил Муктади свиту Мелик-шаха. Каждый из представленных должен был поцеловать землю у ног великого имама, которому везир объяснил, сколько войска и владений имеет прибывший с султаном.

Затем Мелик-шаха возвели на особое место, где состоялась обряд посвящения. На него набросили семь одежд, опоясали двумя саблями, надели ожерелье и наручные браслеты. По окончании церемонии одева-

²¹ Ал-Фахри, стр. 160; Barhebraei, p. 237—238; Chronique de Michel, p. 579; Anadolu selçukluları devleti tarihi. III cilt. Farsçadan tercüme eden F. N. Uzluk. Ankara, 1952, s. 11; Irak ve Horasan Selçukluları tarihi. 'Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Husra' adlı eserinin tercümesi. Türkçeye çeviren K. Burslan. İstanbul, 1943, ss. 11—12.

²² Cl. Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure. Byzantion, t. XVIII, 1948, p. 20.

²³ В. В. Бартольд. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Доклад на I Всесоюз. тюркологическом съезде, Баку, 1926, стр. 10.

ния везир халифа обратился к новому султану со словами: „Тебе вверена и препоручена охрана веры и народа. Чтобы ты был силен против врагов аллаха, тебя опоясали двумя саблями. Попирай врагов и проявляй заботу о народе. Повинуйся халифу!“²¹

Известен церемониал торжественного приема халифом претендента на султанский трон. В 1156/57 г. в Багдад прибыл за инвеститурой Сулейман-шах, дядя иракского султана Мухаммеда, считая, что враждовавший с его племянником халиф Муктафи готов на любые действия для дискредитации своего противника. Действительно, Сулейман-шах был встречен за городом почетным эскортом во главе с сыном халифского везира и двумя гулямами Муктафи, которые передали претенденту привет и благожелания эмира правоверных. Когда эти слова перевели на персидский, гость спешился и поцеловал землю. Затем верхом он въехал в Багдад, где вновь спешился в специальном месте, чтобы поцеловать камень, к которому прикладывались послы и возвращавшиеся паломники. Этот обряд носил оттенок действительной зависимости, ибо, по словам источника, до того никто из сельджукских султанов не целовал камня. Сулейман-шах остановился во дворе для гостей халифа, а вскоре состоялась основная церемония, во время которой ему надели на шею ожерелье, на запястья — браслеты. Имя включили в багдадскую хутбу, но без упоминания, главой какого султаната является Сулейман-шах, и определили содержание, ибо он не имел постоянного источника доходов.²⁵

Ритуал получения инвеституры сельджукскими султанами в основном сохранился до конца XII в. и являлся одной из важнейших линий взаимоотношений между Сельджукидами и Аббасидами. Эта церемония была не просто введением султана в должность светского руководителя мусульманского мира, но стала официальным актом лишения халифа светской власти.

Хотя церемония носила формальный характер, султаны почти всегда оказывали халифам внимание как сюзеренам. Так, Тогрул-бек при встречах с Каимом целовал перед ним землю и его руку, шел пешком рядом.²⁶ Обычай бжегать или идти рядом с конем сюзерена вошел также в сельджукский придворный церемониал, а от них пошел к османским туркам. Следуя традиции, второй великий Сельджукид Алп-Арслан продолжал оказывать знаки внимания халифу. Когда в 1064 г. к нему прибыл посол Каима для вручения инвеституры, султан вел себя как вассал: эмиссар халифа „надел ему на шею золотую цепь и, связав двенадцать прутьев в пучок, нанес ему слегка несколько ударов, как бы за безграничную покорность его своему начальнику“.²⁷ В середине XII в. иконийский и иракский султаны в составе свиты халифа Мустаршида сопровождали его как вассалы во время праздника рамадана.²⁸ „Конечно, знаки почтения султана направлены не только и, может быть, не столько на халифа-сюзерена, сколько на халифа-имам, религиозного вождя мусульман“.²⁹

Начиная с 1055 г. личное получение инвеституры стало для сельджукских султанов традицией, которую они старались соблюсти. Этот обряд предоставлял возможность вступить в непосредственный контакт, засвидетельствовать традиционное почтение халифу как религиозному

²⁴ Irak ve Horasan, s. 81—82.

²⁵ Irak ve Horasan, s. 219—220; Anadolu selçukluları, s. 13.

²⁶ Irak ve Horasan, s. 17; Anadolu selçukluları, s. 6.

²⁷ Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. О. Эмина. М., 1861, стр. 127.

²⁸ Три еврейских путешественника X—XII вв. Пер. П. В. Марголина. СПб., 1881, стр. 45.

²⁹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избр. сочинения, т. I, стр. 111—112.

главе и договориться по вопросам, которые нельзя было доверить бумаге или послу. Вместе с тем во взаимоотношениях Сельджукида и Аббасида имелись специфические черты, которые позволяют считать период XI—XII вв. одним из важных этапов в эволюции формулы „халиф—султан“ и подтверждают наше мнение, что эти взаимоотношения скорее следует рассматривать с точки зрения „султан—халиф“.

Во-первых, с 1055 г. к великим султанам стали применять коранический термин бурхан, который переводится как „ясный свет“, исходящий от аллаха, „очевидное доказательство“.³⁰ В одной из молитв, обращенных сельджукским воинством к алаху накануне сражения, говорится, что великий Сельджукид Алп-Арслан является „очевидным бурханом халифа“.³¹ Возможно, что сельджуки имели в виду стих Корана: „О люди! К вам пришло доказательство от вашего Господа, и низвели Мы вам ясный свет“.³² Выражение „бурхан-и эмир“ известно в качестве составной части титулатуры великих Сельджукидов Алп-Арслана и Санджара, а также иракского султана Сулейман-шаха.³³ В приложении к сельджукским правителям выражение „бурхан халифа“ следует интерпретировать как „посредник между халифом и светским миром“.

Во-вторых, великие султаны имели около халифов своих личных представителей шихнэ, в обязанности которых входило держать Сельджукидов в курсе багдадских событий. Шихнэ являлись заместителями-наместниками султанов и были подлинными хозяевами столицы Аббасидов. Первый шихнэ появился в Багдаде в 50-е годы XI в., последний был назначен Санджаром в 1135 г. Халиф не мог воспрепятствовать этому, он имел право лишь объявить кандидатуру на пост шихнэ персоной нонграта, и тогда султан предлагал другую. Должность шихнэ была важной, поэтому их назначали только из числа тюркоязычных эмиров, как это практиковалось в подобных случаях. В XI в. шихнэ сыграли большую роль как проводники политической линии и влияния сельджуков в Багдаде.³⁴

В XII в. при халифе появился личный представитель иракских султанов, именовавшийся наибом, но по своим функциям родственный шихнэ.³⁵ Присутствие в Багдаде личного представителя сельджукских султанов, который сыграл важную роль в истории Аббасидов и Сельджукидов, свидетельствует, что в системе „султан—халиф“ главным являлся султан.

Важное значение в процессе взаимоотношений Сельджукидов и Аббасидов имело то обстоятельство, что династии породнились между собою. Это способствовало возвышению роли сельджуков в глазах мусульманского мира. Каим первым породнился с Сельджукидами, взяв в 1056 г. в жены племянницу Тогрул-бека, дочь его брата Чагры-бека Дауда Арслан-хатун. Несомненно, халиф хотел укрепить свои связи с сельджуками и показать врагам, что он не намерен порывать „дружбы с тюрками“.³⁶ А в 1063 г. Тогрул-бек посватался к дочери Каима Саййиде; и халиф против своей воли дал согласие на брак.³⁷ Впослед-

³⁰ Коран, IV, 174; XII, 24. (Перевод И. Ю. Крачковского. М., 1963).

³¹ Sadruddin, s. 33; Irak ve Horasan, s. 83.

³² Коран, IV, 174.

³³ Anadolu selçukluları, s. 16; Histoire des Seldjucides. Extrait du 'Tarikhi Guzideh' d'Hamd-Allah Mustaufi. Trad. par M. Dofrémy. Journal Asiatique, IV série, 1848, t. XI, p. 432; t. XII, pp. 335, 364.

³⁴ А. Мюллер. История ислама, т. III, стр. 140; Irak ve Horasan, s. 42; Rahat-üs-Sudur, ss. 106, 160, 174; Cl. Cahen. La première pénétration..., pp. 44, 67; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi, s. 53.

³⁵ Irak ve Horasan, ss. 60, 108, 130.

³⁶ Irak ve Horasan, s. 8; Barhebraei, p. 233; Sadruddin, p. 12—13.

³⁷ Barhebraei, p. 241; Irak ve Horasan, s. 18.

ствии династические браки между Сельджукидами и Аббасидами стали почти традиционными.

Об этом, а также о том, насколько паритетными являлись взаимоотношения султана и халифа, свидетельствуют события последней четверти XI в. В 1084 г. Муктади взял в жены дочь великого Сельджукида Мелик-шаха, от которой имел сына Абу-л-Фадла Джафара. В 1092 г. султан пожелал, чтобы халиф провозгласил этого мальчика наследником аббасидского престола, но Муктади отказался. Тогда Мелик-шах, прибывший в Багдад, в ультимативной форме предложил халифу покинуть собственную столицу. Последний испросил десять дней на сборы, но на девятый день Мелик-шах внезапно скончался, как объявили, от лихорадки. Не исключено, как и предполагают источники, что его отравили или убили.³⁸

Таким образом, после узурпации светских прерогатив халифа Сельджукиды затем вознамерились утвердить в качестве великого имама своего тюркоязычного представителя. Теперь на исходе XI в. султаны уже не довольствовались существованием религиозной власти отдельно от светской, и они попытались вновь соединить в одном лице имама и султана, но при условии, что этим лицом станет тюркоязычный. Попытка Мелик-шаха узурпировать и религиозные функции халифа в случае успеха могла иметь важные последствия как для Сельджукидов, так и для тюркоязычного элемента в Передней Азии. Но окончилась она неудачей; только несколько столетий спустя ее претворили в жизнь османские султаны Турции, объявившие себя халифами. Государство и халифат были уничтожены еще монголами, которые убили в 1258 г. последнего халифа Мустасима. В живых оставался лишь его малолетний сын, пощажённый ради монгольской принцессы, пожелавшей, чтобы ее мальчик имел равного по происхождению товарища для своих детских игр.

Теория о передаче в XVI в. халифата турецкому султану Селиму I последним египетским Аббасидом Мутаваккилем III создана во второй половине XVIII в. и должна была оправдать узурпацию правителями Турции религиозных функций.³⁹

Итак, с 1055 г. сельджуки приобрели влияние на халифа и мир ислама, став продолжателями „традиции“ доминирования тюркоязычных племен в арабском мире, которое установилось не позднее IX в. Уже тогда светская власть Аббасидов в самом Багдаде была ограничена придворной тюркской гвардией, сыгравшей немалую роль в государстве халифов; и не случайно, что они стали игрушкой в руках военной силы: одного за другим их губила одна и та же болезнь — преторианство.⁴⁰ В этом аспекте характерен следующий рассказ: „Когда на престол вступил Мустаин (862 г.), его вельможи призвали астрологов и спрашивали их: «Посмотрите, сколько лет проживет этот халиф и сколько просидит на халифате?». Какой-то бывший тут же остряк проговорил: «Я лучше астрологов могу определить количество лет его жизни и царствования!». — «Сколько же лет проживет он и будет царствовать?» — возразили ему. —

³⁸ Анна Комнина. *Алексиада*. Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 198; Varhebraei, p. 260; Sadruddin, s. 57.

³⁹ В. В. Бартольд. *Халиф*, стр. 66; В. А. Гордлевский. *Был ли турецкий султан халифом?* Избр. сочинения, т. III, стр. 187.

⁴⁰ В. А. Гордлевский. *Был ли турецкий султан халифом?*, стр. 188; А. Массе. *Ислам. Очерк истории*, М., 1961, стр. 177; Сиасет-наме. *Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька*. Пер. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 99; И. П. Петрушевский. *Ислам в Иране в XII—XV вв.* Л., 1966, стр. 152; В. Spuler. *The Muslim World, part I. The Age of the Caliphs*. Leiden, 1960, p. 62.

«А столько, сколько захотят турки!» При этом ответе все присутствующие не могли удержаться от хохота.⁴¹

Аббасиды тяготились зависимостью, такое положение тем более казалось им неестественным, что эти халифы опирались на хадис, приписанный Мухаммеду: „Кто повинуется мне, повинуется аллаху; кто повинуется имаму (чит.: халифу), повинуется мне. Не повиноваться мне, значит не повиноваться аллаху, а неповиновение имаму (чит: халифу) — это неповиновение мне“.⁴² Вот почему нередкостью были столкновения уже между первым великим султаном Тогрул-беком и халифом Каимом.⁴³ При первых признаках упадка сельджукского могущества на рубеже XI—XII вв. Аббасиды попытались восстановить свои светские prerogatives. Об этом свидетельствуют и формулы, которые теперь, в XII в., халиф произносил, вручая султану светскую власть над миром ислама. Когда иракскому Сельджукиду Масуду были преподнесены ожерелье и наручные браслеты и он сел в приготовленное кресло, поцеловав перед тем землю у ног халифа, Мустаршид, вручавший инвестицию, произнес: „Тот, кто ведет себя недостойно, недостойно править“. Затем опоясал султана двумя саблями и привязал к древку два знамени. В заключение церемонии халиф сказал: „Встань, получи то, что тебе положено, и будь благодарен!“.⁴⁴

Но попытки халифов добиться самостоятельности на протяжении почти всего XII в. встречали активное сопротивление султанов. Тот же Масуд воювал с Мустаршидом; в 1134 г. он захватил халифа и держал в своем военном лагере. Великий султан Санджар прислал Масуду в связи с этим два послания. В одном, официальном, содержалось повеление старшего в роду: с почетом отправить халифа в Багдад. В другом, конфиденциальном, Санджар прозрачно намекал, что Мустаршида нельзя оставлять в живых.⁴⁵ Позиция Сельджукида объясняется тем, что незадолго перед 1134 г. халиф подстрекал против него Масуда и сам снарядил армию для похода, во время которого возвел хулу на род Сельджука, сказав: „Мы вверились народу Сельджукидов, а они восстали против нас. Затянулся над ними срок, и ожесточились их сердца, и многие из них распутны“.⁴⁶ В этом случае Аббасид, возможно, кроме вышеприведенного хадиса, приписанного пророку Мухаммеду, имел в виду стих Корана, где говорится: „Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли. Это для них — позор в ближайшей жизни, а в последней для них — великое наказание“.⁴⁷

Теперь халиф был в плену у Масуда, и Санджар жаждал отмщения. Когда иракский султан возвратился из Багдада в Азербайджан, то с ним находился халиф. Санджар прислал сюда военный отряд, в составе которого имелось 17 наемных убийц-исмаилитов. Они-то и убили Мустаршида за чтением Корана, недалеко от города Мараги. Убийц поймали и по распоряжению Масуда казнили. Бар Эбрэй заключает свой рассказ

⁴¹ Ал-Фахри, стр. 283.

⁴² Abou Yousuf Ya'koub. Kitab el-Kharadj. Trad. par E. Fagnan. Paris, 1921, p. 13.

⁴³ Barhebraei, p. 241.

⁴⁴ Sadruddin, s. 71—72; Irak ve Horasan, s. 161—162.

⁴⁵ Barhebraei, p. 295.

⁴⁶ Низами Арузи. Собрание редкостей, или четыре беседы. Пер. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М., 1963, стр. 50; вторая фраза является стихом Корана, LVII, 15; Barhebraei, p. 291.

⁴⁷ Коран, V, 37.

словами: „Говорят, Санджар не знал об исмаилитах. Но истина в том, что он сам отправил их, но Масуд не знал этого“.⁴⁸

По предложению великого султана знатные и кадийи Багдада при- сягнули его креатуре — Рашиду, сыну Мустаршида.⁴⁹ Но Масуд остался недоволен новым халифом, который отказался повиноваться ему: когда иракский Сельджукид потребовал у Рашида триста тысяч динаров, обещающие убитым Мустаршидом, и такую же сумму, собранную для него в Багдаде, а также пожелал получить сумму, которая по традиции полагалась в связи с восшествием на трон нового Аббасида, то Рашид выступил в поход. В 1135 г. он отправился против Масуда, имея при себе сельджукского принца Дауда, которого хотел утвердить на иракском троне. Масуд разбил союзников, Рашид погиб на поле брани у Исфана, а Сельджукид отправился в Багдад, где посадил на трон Муктафи. Обобрав казну и дворцы Аббасидов, Масуд установил своей креатуре определенное содержание; он же назначал для него везиров.⁵⁰

Этот халиф в свою очередь не ладил с одним из преемников Масуда — султаном Мухаммедом, который требовал, чтобы имя иракского Сельджукида наряду с именем Аббасида было включено в багдадскую хутбу. Муктафи не соглашался, мотивируя отказ тем, что в хутбе поминали великого Сельджукида как старшего в роду Сельджука. В ответ Мухаммед начал военные действия и дважды осаждал Багдад, но успеха не добился. В первый раз в 1155 г. военная кампания завершилась неудачно, так как у султана иссякли силы; в 1158 г. повторную осаду пришлось снять, ибо в султанате начался мятеж феодалов во главе с атабеком-наместником Азербайджана Шамс-ад-дином Ильдегизом, с которым халиф тайно сносился. Но когда в 1160 г. Мухаммед скончался, Муктафи, отдавая должное его энергичности, произнес: „Мир праху его, он был умным противником“.⁵¹

Аббасиды вмешивались в сельджукские междоусобия, поддерживая центробежные силы, которые активизировались на рубеже XI—XII вв. Когда великий султан Мухаммед и его брат Санджар вынуждены были укрыться в Багдаде от преследований великого султана-соправителя Бёркийярука, то халиф Мустазхир принял их с почетом. В честь высоких гостей был устроен торжественный прием, на котором халиф одарил обоих беглецов и собственноручно повязал им знамена, считая этим их притязания на сельджукский трон законными, а Бёркийярука — низложенным. В середине XII в. к Мустанджиду обратился за содействием Сулейман-шах; халиф, враждовавший с его племянником иракским государем Мухаммедом, провозгласил султаном этого Сулейман-шаха.⁵²

С прекращением в 1157 г. династии великих Сельджукидов их место в системе „султан—халиф“ заняли иракские Сельджукиды, первый представитель которых — Махмуд — приходился сыном великому султану Мухаммеду; на этом основании он и его преемники претендовали на роль старших среди оставшихся ветвей рода Сельджука. В 1160 г., когда на троне Иракского государства появился султан Арслан-шах, фактическая власть оказалась в руках его воспитателя — атабека Шамс-ад-дина Ильдегиза, бывшего владельцем Азербайджана; с этого года Ильдегиз, который ранее в течение ряда лет находился в тайных сношениях с Багдадом, играл важную роль в системе „султан—халиф“. Таким образом, если в течение 1055—1157 гг. партнером халифа выступал представитель глав-

⁴⁸ Ал-Фахри, стр. 344—346; Barhebraei, p. 294, 296; Chronique de Michel, p. 619.

⁴⁹ Barhebraei, p. 296.

⁵⁰ Ал-Фахри, стр. 348, 351—352; Barhebraei, pp. 298—299; Histoire des Seldjoudes, t. XII, p. 348; Chronique de Michel, p. 619.

⁵¹ Sadruddin, ss. 94, 100.

⁵² Irak ve Horasan, ss. 237, 265.

ной ветви дома Сельджука, а затем — до 1160 г. — иракский султан, то с этого года и до конца XII в., в течение сорока лет, формула приняла новый, не совсем обычный вид — „атабек—халиф“. Поэтому можно сказать, что во второй половине XII в. в лице Ильдегизидов: Шамс-ад-дина Ильдегиза, Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана — ближневосточный мусульманский мир получил новых светских руководителей, выступавших от имени своих номинальных сюзеренов — иракских султанов.

Аббасиды лишь под давлением признали подобную замену и при каждом удобном случае старались оказать противодействие. Если при Шамс-ад-дине Ильдегизе оно не приняло формы открытого сопротивления, то при его преемнике Джахан-Пехлеване, который также повластно распоряжался делами Иракского султаната, халифы старались избавиться от подобного партнерства. Не случайно Джахан-Пехлевану, который стремился подчинить халифа своей воле и планам, приписаны слова: „Халифу наиболее приличествует заниматься хутбой и религиозными делами; он должен поручить султану (чит.: Ильдегизиду) светские дела и вопросы управления государством“.⁵³ Третий Ильдегизид был в позитивных отношениях с халифом Насиром. Таким образом, можно констатировать, что в течение второй половины XII в. Аббасиды сносились с Ильдегизидами как с партнерами по управлению ближневосточным мусульманским миром. Поэтому не случайно, что в сочинении, посвященном Аббасидам и Сельджукидам, имеется специальная глава об атабеке Шамс-ад-дине Ильдегизе; возможно, автор хотел подчеркнуть значение Ильдегизидов и показать, что они являлись равней халифам и султанам.⁵⁴

Аббасиды, взаимоотношения которых с Сельджукидами и затем с Ильдегизидами были не совсем паритетными, могли воспользоваться своим правом и приостановить деятельность духовных учреждений, в том числе суда кадийев, на территории, подвластной халифу и султанам. Такая акция оказалась бы весьма действенной, но вместе с тем могла иметь серьезные последствия для самого халифа, который несомненно встретил бы противодействие светских феодалов во главе с султаном.

Взаимоотношения между халифами и султанам можно сравнить с теми взаимоотношениями, что существовали в тот же период в Западной Европе между папами римскими, с одной стороны, и императорами германскими и королями французскими, с другой. Правда, в последнем случае временные успехи были достигнуты римскими первосвященниками; лавры же, доставшиеся халифам, были несравненно скромнее и не оказали существенного влияния на ход ближневосточной истории XI—XII вв. Наоборот, Аббасиды пострадали экономически и политически, морально и физически. Но вместе с тем взаимоотношения султанов и халифов в XI—XII вв. сыграли большую роль в истории Ближнего Востока.

Таким образом, взаимоотношения султана и халифа в XI—XII вв. являются одним из аспектов системы сюзеренитета и вассалитета, господствовавшей на Ближнем Востоке. Они претерпели ряд изменений, которые удастся проследить на конкретном материале и убедиться, что формуле „султан—халиф“ были присущи метаморфозы, зависевшие не только от характера взаимодействия, но и реальной силы каждого из участников этого альянса. Но несомненно, что султан, стоявший рядом с халифом как равноправный партнер по управлению ближневосточным мусульманским миром, в действительности являлся определяющим началом. Сама формула „султан—халиф“ претерпевала изменения вместе с развитием взаимоотношений между Аббасидами и Сельджукидами, принимая на

⁵³ Rahat-üs-Sudur, s. 309.

⁵⁴ Anadolu selçukluları, s. 19 etc.

определенных этапах новое содержание. Если в 1055 г. она зародилась как следствие взаимоотношений великих султанов и халифов, то с 1157 г. партнером Аббасида стал представитель одной из младших ветвей рода Сельджука — иракский султан, а с 1160 по 1191 г. — Ильдегизиды, атабеки иракских государей и истинные правители султаната; вот почему формула изменилась и приняла вид „атабек—халиф“. В целом взаимоотношения по линии „султан (позднее атабек)—халиф“ отображают реальность, характерную для эволюции феодализма на Ближнем Востоке XI—XII вв. и позволяют осветить один из основополагающих аспектов развития системы сюзеренитета и вассалитета.

Rauf A. Huseynov

LE SULTAN ET LE KHALIFE

Pour le système de la suzeraineté et de la vassalité en Proche-Orient de l'époque seldjoukides ont avait accepté la formule: „le vassal de mon vassal—n'est pas mon vassal“. Sous cet aspect sont très intéressant les relations des sultans Seldjoukides et des khalifes Abbasides. Les sultans ont usurpé les prérogatives laïques des khalifes; les Seldjokides ont été les chefs véritables du Proche-Orient musulman. C'est pourquoi les relations des sultans et des khalifes avait exercée une influence considerable sur la vie politique du Proche-Orient.
